

— Сегодня у нас в гостях Нина, учительница из Арцаха. Здравствуйте, Нина! Давайте сразу объясним, почему мы не называем вашу фамилию.

— Мне приходили в личные сообщения в Инстаграме угрозы от жителей Азербайджана, поэтому я предпочитаю, чтобы меня не так легко было разыскать

— Вы пережили блокадную зиму, скажите, что за это время для вас, для вашей семьи поменялось, как в принципе изменилась ваша жизнь? Она же отличается от того, что было раньше.

— Верно, да. Ну, во-первых, вопрос еды стал более таким интересным. Раньше, если я могла сказать: «Я не люблю такое есть, это мне не интересно, но я сейчас пойду куплю что-нибудь другое», сейчас, во время блокады, особенно в начале, такого не было. То есть, у тебя была какая-то еда дома, и безразлично, ты ее ешь или ешь, ты ее любишь или любишь, это единственное, что у тебя есть. В магазинах была полная пустота, и мы все начали как бы э-э беречь каждый кусочек хлеба, начали беречь землю, которая у нас есть, и все начали заниматься сельскохозяйственной деятельностью. Даже у нас в саду мы начали выращивать все, что могли, то есть, там зелень, мы сейчас уже помидоры сажаем. Это одно, потом стало как бы легче привыкать к новым трудностям. Например, когда не было газа, зимой было очень холодно, вода у нас дома, например, тоже греется газом, и она у нас тоже была холодная, мы начали купаться водой, которая кипятилась на одной-единственной электрической печке, которая у нас есть. И вот мы купались с этими ведрами, таскали туда-сюда. И мне родители рассказывали, что именно так делали в девяностые, и я поняла, что вот всё это циклично, и к этому тоже можно привыкнуть. То есть до блокады мне это казалось дикостью, а сейчас: ну да, нормально, опять газа нет, опять надо греть воду в ведрах, и это можно делать. То есть, я сейчас не знаю, чем меня можно удивить в плане того, что ко всему можно привыкнуть и можно найти выход из всех ситуаций

— То есть получается, что вы практически провалились в прошлый век.

— Да, можно так сказать.

— Скажите, вот что касается продуктов. У вас же, насколько я понимаю, работает талонная система. Этого хватает или все-таки приходится экономить? Там же есть какая-то месячная норма, да?

— Да, ну я сейчас расскажу немножко про талонную систему. С блокадой нам ее внедрили, потому что было у нас в запасе в стране было энное количество круп, например, и надо было сделать так, чтобы всем поровну этого хватило. Поэтому нам внедрили талонную систему, сначала там был сахар, макароны, гречка, рис и масло, и каждому давали по 2 килограмма, и ты мог за 2 недели купить вот на эти талоны 2 кг вот этого всего, что я перечислила. Конечно, этого не очень хватало, но нам помогло то, что мы вообще очень сильно готовимся к зиме всегда, и поэтому во всех семьях были какие-то уже готовые консервы, соленья, я не знаю. Все, что наши мамы и бабушки заготавливают на зиму, это все помогало, и еще, конечно, нам помогала деревня, потому что в деревне было намного больше продуктов, потому что они сами это все производят и создают. И вот те люди, у которых есть родственники в деревне, им было намного легче, потому что из деревни могли получать яйца там, молочные продукты, зимой с этим было намного труднее, потому что коровы не давали много молока. А сейчас вот там в деревне всё расцветает, э-э коровы дают очень много молока, поэтому и с молочным, и уже с зеленью, овощами, яйцами нет проблем, потому что всё это поступает в город из деревни.

— Скажите всё-таки, за деньги можно в Арцахе приобрести какие-то продукты?

— А это тоже за деньги. То есть, ты за деньги это покупаешь. Некоторые вещи, которые были в складах, тоже в свое время можно было купить за деньги, в магазинах

сейчас кое-какие вещи есть, которые через гуманитарную помощь могут приносить, это тоже можно сейчас купить.

— А у людей деньги в принципе есть? Я спрашиваю, потому что пытаюсь понять люди: продолжают работать, получать зарплату, да? Или что-то изменилось?

— На моей работе это никак не отразилось, потому что я работаю в школе, но у нас есть предприятия, которые работают, например, только на газе, они все закрылись, потому что, например, там какие-то цеха еще закрылись. Отели, конечно же, потому что нет никакого туризма, там рестораны, все то, что связано с потоком людей, и все, что связано с большим количеством газа, электричества, это все не работает. Да, люди остались безработные, государство недавно внедрило систему, по которой они получают минимальную зарплату. Но даже эта минимальная зарплата, её недостаточно, чтобы нормально, достойно жить.

— Скажите если можно про вашу работу в школе. Это же не первая школа в Арцахе, где вы преподаете, да?

— Да, я ещё раньше работала в школе, которая находилась как раз таки на конце Лачинского коридора или в начале, смотря с какой стороны смотреть. Азербайджанцы нелегально взяли эту деревню в прошлом августе и сравнили с землёй. То есть, сейчас этой деревни нет даже на карте.

— В том числе школу?

— В том числе школу.

— А что произошло с детьми?

— Они уехали.

— Школа, где вы сейчас работаете, находится в приграничном селе. Насколько сильно это влияет? Я знаю, что практически каждую неделю происходят какие-то провокации, обстрелы. Вы это ощущаете?

— Мне кажется, сейчас весь Арцах приграничный, поэтому быть под этим влиянием — это какая-то норма на самом деле. Даже в Степанакерте мы сейчас находимся очень близко к Азербайджану, и в нашем селе недавно один наш односельчанин, когда он работал на поле, он подвергся обстрелу со стороны Азербайджана. К счастью, с ним ничего не произошло. То есть, это все стало какой-то нормой жизни. Ну, это практически военные будни.

— А вот скажите, я помню, что вы мне рассказывали про то, что подорвались дети, которые играли в лесу. Кассетные бомба, да?

— В нашей деревне очень многие дома находятся рядом с лесом, и иногда вот такие случаи бывают, даже не иногда, а достаточно часто, поэтому мы, например, когда хотим пойти в поход с детьми, это очень большая проблема, потому что все родители волнуются, чтобы вдруг что чего-то там случилось. Потому что всегда есть страх, что с каким-то ребёнком может что-то случиться, потому что вся эта территория обстреливалась Азербайджаном и нет никаких гарантий, что реально ничего, никаких припасов там не осталось с войны.

— Скажите, а всё-таки вот эти дети. Они в итоге остались живы?

— Да, они ранены, раненые ноги?

— Блокада принесла очень много проблем, проблема с едой, проблема с отоплением, еще целый ряд проблем. Все-таки из этого ряда, что, как вам кажется, самое ужасное, то из всех этих вещей ударяет сильнее всего?

— Несвобода, то есть несвобода выбора, то, что я не могу выбирать, где мне быть, где мне не быть, я не могу выбирать, что мне делать, что мне есть, когда купаться, не купаться, когда назначать интервью, потому что это зависит от того, будет у меня свет или нет. А если будет свет, будет ли интернет? Я смогу искупаться или перед этим или нет? Это ограничение свободы — это самое ужасное. Мне кажется, что я до этого никогда этого не чувствовала, Арцах всегда был очень свободным, то есть жизнь никогда не была легкой, но у тебя была Свобода выбора, что тебе делать, уезжать отсюда, не уезжать, а сейчас нет. То есть я не могу в голове понять, почему это я не могу вот сейчас быть в Ереване или почему я не могу увидеть своих друзей, в чём причина. Вот эта несвобода, она убивает. И это не только моё чувство, а и моих друзей, которые сейчас тут, потому что да, как я сказала, к тому, что нет воды или нет газа, нет электричества, к этому можно привыкнуть. Нам это очень тяжело, потому что моё поколение — это поколение, которое родилось в свободном Арцахе, в свободной Армении, нам никогда ничто не запрещали, это первая несвобода в моей жизни.

— Вы обсуждаете, что в принципе может быть дальше с Арцахом, лично с вами, с вашей семьёй?

— Ну конечно, все об этом думают. У нас, у моей семьи, у моих друзей однозначная позиция, что Арцах должен быть, и мы будем бороться только за тот Арцах, который находится на территории Армении, то есть вариант того, чтобы Арцах был частью Азербайджана — это не обдумывается, никто так не будет тут жить, никто не собирается принимать власть Азербайджана потому что мы понимаем, что это закончится геноцидом, этническими чистками, поэтому мы э-э даже не обдумываем этот вариант, у нас только один вариант, ну два варианта: либо автономия, либо воссоединение с матерью Арменией.

— Есть какая-то надежда, что кто-то в этом мире вступится за Арцах и его защитит? Может быть, Россия? Может быть, Запад?

— Знаете, все, что происходит в последнее время, показало нам, что надеяться можно только на себя и бороться за себя. Ты должен сам, никто тут на Россию уже не надеется, Россия показала, на что она способна и что её интересует. На международные сообщества тоже никто не надеется, поэтому люди все больше и больше думают, уже начали осознавать, что если нам нужна свобода, именно мы будем за неё платить и именно мы будем за неё бороться.

— А вот вы сказали, что уже нет надежды на Россию. А какие в принципе отношения у арцахцев с миротворческим контингентом?

— Население арцаха сейчас не очень хорошо относится к Кремлю, кремлевской власти, но это никак не отражается на миротворцах, потому что тут очень часто можно встретить срочников российской армии. То есть это 18-летние дети, они мне ученики годятся, они такие вот иногда сонные стоят на дороге, ты хочешь их взять в школу, я не знаю. К ним отношение очень хорошее, к простым штатным солдатам. Потому что люди даже не выбирали тут быть, их просто отправили по работе. Но к Кремлю и к российскому правительству отношение тут негативное.

— Тут есть очень важный нюанс: у вас постоянные проблемы с продуктами, с лекарствами, но при этом у российских военных все это есть. Они как-то пытаются помочь вам?

— Да, это самое малое, что они могут делать. Они частично с собой провозят как гуманитарную помощь какую-то провизию, и это тоже вот используется народом.

— Ну, то есть вот так чтобы просто по-человечески поделиться? Такое есть?

— Поделиться нет, продать да.

— Ну вот, а вы сказали, что у вас прекрасные отношения.

— Это бизнес.

— Есть ли какой-то рецепт или то, чему вас научил недавний опыт, опыт выживания в этой ситуации, в блокаде. Как себя вести, чтобы выжить? Самое главное?

— Что я поняла, что человеку нужен человек. Весь этот процесс блокады, это все было бы намного тяжелее перенести, если бы у нас не были наши друзья, наша семья, наши родственники, знакомые, соседи, то есть люди друг другу очень сильно помогали, до сих пор помогают. Например, у нас не было чего-то, у соседей было, они с нами делились, а потом у нас что-то было, мы делились с соседями, это помогало всем. Потому что ты знал, что ты не один в этой беде, если мы сейчас друг другу не будем помогать, мы все, можно сказать, умрем. А так все как бы очень быстро все поняли, что мы должны друг другу помогать. И вот это единство, оно дает очень много силы духа, чтобы бороться. Потому что ты знаешь, что вот я прохожу этот опыт не одна, я прохожу со своей матерью, со своим братиком, я им нужна, они мне нужны, и это дает силу идти до конца и ждать конца.

— Какого конца вы ждете?

— Хороший вопрос. Мы, конечно же, ждем хорошего конца. Но есть и другой конец. Особенно если принять тот факт, что Азербайджан поставил КПП на латинском коридоре. И сразу же ушли. Весь этот театр они начали для того, чтобы начать ограничивать вход и въезд в Арцах и проверять документы, а это значит, что в любой момент сейчас они могут начать резню тут и никто не поможет, никто не придет помочь, и мы сами тоже не сможем отсюда выйти. Это возможный исход, но это не тот исход, которого мы ждём, конечно же. Мы ждём более благоприятного исхода в идеале, идеальный исход — это свободный Арцах в составе Армении, такой исход был бы нормальным, если бы они опять ушли туда, откуда они пришли. Но конечно, понятно, что так, как мы хотим, может и не быть. Поэтому сейчас вот такой момент, когда просто все ждут, что будет, потому что никто не может ничего гарантировать, никто не может ничего обещать.

— А что про это думают ваши дети, ваши ученики?

— Мы пытаемся конкретно этот момент с ними не обсуждать, чтобы им не стало страшно. Конечно, взрослые все понимают. Но детям мы стараемся говорить, что ничего, скоро откроют, и мы опять сможем свободно передвигаться.

— Есть люди, которые пали духом и хотели бы уехать?

— Я таких не знаю в моем окружении. Этот весь театр со стороны Азербайджана, он даже больше дает причины оставаться, потому что то, что они делают, это просто смешно. Это противозаконно, это не гуманно. И этим они просто делают нас более злыми и более намеренными остаться и показать им, что вот этот театр не пройдет и это ничего не поменяет, потому что очевидно, они в какой-то момент захотят открыть, чтобы все выехали, может быть, именно это их цель была, чтобы люди просто отсюда ушли и не было бы им причины даже что-то тут делать. Но наоборот это то, что они делают, оно заставляет людей хотеть остаться. Мы такую радость дарить Азербайджану не будем, это наша земля, и вот эти их провокации, они сейчас не смогут воздействовать, потому что мы сейчас больше чем когда-либо хотим остаться тут и показать что, нет без газа, без света, без большого количества еды мы тут будем жить. Я абсолютно уверена, что они бы вот в таком состоянии на нашей земле не смогли бы выжить. Потому что им-то было бы это бессмысленно, это не их настоящая земля. Это наша земля, наш настоящий дом. Я очень рада, что у нас есть сад, что на моей земле растет петрушка. Им бы эта земля ничего не дала.